

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Биосоциология молодежи и будущее гражданского общества*

Вал. А. Луков

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье рассматриваются подходы к изучению перспектив развития гражданского общества в условиях, когда иерархическая система оттесняется сетевыми коммуникациями. В таком сетевом обществе раскроются свойства молодежи, изучаемые биосоциологией.

Ключевые слова: биосоциология, молодежь, гражданское общество, тезаурусный подход.

Биосоциология в нашем толковании представляет собой научную концепцию междисциплинарного характера и практику исследования сложных по природе явлений современной общественной жизни, исходящих из неразрывной связи биологического и социального компонентов в жизни человека и человеческих сообществ (социальных общностей). Концепция и практика, о которых идет речь, только формируются, но уже становится ясно, что важная задача биосоциологии — выявить возможные трансформации общества через накопление в новых поколениях критической массы биологических и интеллектуальных (под воздействием факторов внешней среды обитания и вызванных искусственными средствами), а также социокультурных изменений. Утверждая это, мы считаем, что развитие биосоциологии тесно связано с институционализацией гуманитарной экспертизы как способа сознательной регуляции изменений в человеке и обществе в условиях, когда технологически становится возможным

в массовых масштабах осуществлять инновации, касающиеся самой природы человеческого и социального (Луков, 2011).

Данные утверждения не являются широко признанными и принятыми в практической деятельности. Можно даже сказать, что сама идея выделять биосоциологию как научную дисциплину еще только заявлена, а контексты применения базового термина заметно различаются. Так, в трактовке В. Г. Шолохова биосоциология — это наука о человеческом обществе с позиции философии Аристотеля (Sholokhov, 2011: 73). Неоаристотелизм в этом направлении развития биосоциологической проблематики ведет дальше — к биокосмологии в интересных работах К. С. Хруцкого (Khroutski, 2011) и его единомышленников. Здесь основания междисциплинарности иные, нежели, например, у социобиологии, названной так несколько десятилетий назад Эдвардом Осборном Уилсоном (род. 1929) для закрепления нового подхода к синтезу наук о природе и обществе.

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 11-06-00483-а).

Социобиологию Уилсона научное сообщество и приняло, и не приняло. Его труд «*Sociobiology: The New Synthesis*», содержащий фундаментальное исследование социальной жизни муравьев, в итоге которого и выстроилась концепция социобиологии (Wilson, 1975), закрепил его славу как одного из виднейших в мире биологов (25-е юбилейное издание книги вышло в 2000 г.), а его книга «О природе человека» (Wilson, 1978), посвященная применению его теории к человеческим сообществам, была отмечена сразу после ее выхода Пулитцеровской премией.

В трактовке Уилсона, как отмечается в литературе, слишком проглядывал социал-дарвинизм, хотя это вряд ли его действительная позиция. В более поздней книге «Биофилия» (Wilson, 1984) Уилсон страстно высказывается относительно естественного родства человека со всем многообразием животной жизни, и человечность выявляется в этом родстве в том, насколько человеком сохраняется этика. Иными словами, биофилия составляет самую суть человечности. В этом духе развилась и практика экологического воспитания детей и молодежи, о чем свидетельствует, например, деятельность E. O. Wilson Biophilia Center во Флориде, где в программах 2010–2011 гг. участвовали 6 тыс. учащихся. Центр назван в честь Э. Уилсона, выразившего в идее «биофилии» подсознательное стремление человека к другим формам жизни (E. O. Wilson Biophilia Center at Nokuse Plantation: Электр. ресурс).

В силу реминисценций с социал-дарвинизмом положения социобиологии многими воспринимались настороженно или прямо критически. Некоторые утверждения Уилсона не могли не встретить возражений (например, о морали как результате эволюционного отбора генетических качеств, или патриотизме как следствии биологического механизма, связанного с защитой территории обитания). Последующее развитие социобиологии по пути закрепления биологического детерминизма оказалось непродуктивным, и в современной литературе биологизация социологии рассматривается как попытка, окончившаяся неудачей (Richter, 2005).

Впрочем, дискуссия вокруг концепции Уилсона активизировала интерес к междисциплинарным исследованиям (в частности, в психологии). Кроме того, тесную связь биологической природы человека с современным состоянием и путями развития общества все же нельзя игнорировать. И разрабатываемая в Институте фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета концепция биосоциологии, которая рассматривается в ряду с такими комплексными научными дисциплинами, как биоэтика, — знаковая попытка ответить на вопросы, которые становятся все более актуальными по мере нашего приближения к информационному обществу.

Мы обращаемся к биосоциологии молодежи, вполне осознавая, что это лишь начальная фаза концептуализации биосоциологии как таковой. Молодежный аспект избран нами не случайно. Изучаемые биосоциологией явления и процессы в молодежной среде проступают более явно, чем в других возрастных группах, и такие явления и процессы оказывают более существенное влияние на общесоциальные явления и процессы, чем те, которые связаны с другими возрастными группами.

С этих позиций и можно увидеть связь идеи гражданского общества с биосоциологией молодежи, более того — понять, какого рода задачи может эта идея поставить перед биосоциологией молодежи.

Корень вопроса состоит в том, что информационное общество, эра которого неумолимо наступает, значительно меньше подвержено традиционным культурным кодам, чем предшествующее ему индустриальное общество. В данном случае мы имеем в виду прежде всего то, что культурные коды индустриального общества основываются на социальной иерархии. Общество сплочено и защищено иерархией, его институты построены по иерархическому принципу. На этом принципе построена вся система социализации личности, даже если провозглашается приоритетной идея свободы личности. Для гражданского общества в такой системе общественных отношений место, разумеется, находится, но оно по своей сути — дополнительное, своего

рода контрфорс к бастиону государственно-сти. Собственно, гражданское общество в такой системе допускается в той мере, в какой не подвергает отрицанию основы власти и соответственно государства как системы, обеспечивающей осуществление этой власти и ее безопасность. Вертикаль власти здесь — краеугольный камень.

Информационное общество, конечно, сохраняет властную вертикаль, иерархию. Но его существенным свойством становится то, что иерархия — не главный тип социальной организации, ее приоритет подрывают социальные сети, когда они от фрагментов общественной организации восходят до некой целостности — сетевому обществу.

Сетевое общество — новое понятие науки для нового явления в жизни. Впервые термин «сетевое общество» (network society) применил для рассмотрения особенностей современной социальной жизни известный социолог Мануэль Кастельс (род. 1942) в своей книге «The Rise of the Network Society» (Castells, 1996), которая стала первой частью трилогии. Ввиду популярности книги она была переиздана в 2000 г. с существенной переработкой текста. Второй том трилогии вышел в 1997 г. под названием «Сила идентичности» (Castells, 1997), его второе издание вышло в 2004 г. Третий том трилогии был напечатан в 1998 г. под названием «Конец тысячелетия» (Castells, 1998), его второе издание — в 2000 г.

Идея первой из названных книг содержится в высказывании Кастельса в самом ее начале: «Наше общество все чаще строится вокруг биполярной оппозиции Сеть и Я» (Castells, 1996: 3). Это чрезвычайно емкое концептуальное положение, характеризующее и системные характеристики сетевого общества, и его динамические черты (на этапе становления). «Сеть» в этом контексте обозначает замещающие интегрированную по вертикали иерархию горизонтально связанные организации. «Я» (the Self) поставлено в данную формулу как обозначение социальных практик человека, которые он использует в подтверждение своей социальной идентичности и смыслов в ситуации постоянно меняющегося культурного ландшафта.

Из концепции сетевого общества Кастельса следует, что сеть — это множество взаимосвязанных узлов, а узлы — это точки, в которых петли взаимно пересекаются. Отметим, что сети — старая форма социальной организации, но теперь они усилены информационными технологиями и существенно изменились: они стали информационными сетями. В отличие от иерархических структур сети подвижны, они легко адаптируются к внешней среде, способны развиваться вместе со своим окружением и эволюцией узлов, которые составляют эти сети. Но поскольку они не координируются из единого центра, им труднее сосредоточивать ресурсы на определенной цели. Недостаток координации компенсируется интерактивностью и поддержанием образцов внутри сети (Castells, 2000). По Кастельсу, принадлежность или отсутствие принадлежности к сети, конкуренция сетей становятся источниками власти и перемен в обществе. Социальная морфология (иными словами, структурная сторона общества) при сетевой организации доминирует над социальным действием.

Понятие, введенное Кастельсом, сразу прижилось, и это не удивительно: Интернет сделал коммуникативную сеть настолько зримой, что идея сетевого общества буквально витала в воздухе. В итоге сетевой принцип стал осмысливаться как *универсальный*. Применительно к обществу — еще и прогрессивный. Обнаружение в сетях универсальности позволяет применить теорию сетевого общества к трактовке нового состояния и новых возможностей общества как целого.

Главный наш вывод: сетевое построение социальных связей одновременно означает, что иерархия, какую олицетворяет государственная власть, занимает в обществе не так уж много места, горизонтальные связи людей в сетях, к которым они принадлежат, оказываются гораздо более продуктивными и интенсивными. Это несколько иной взгляд на сеть, нежели у Кастельса, который подчеркивает жесткость сетей, их нацеленность на обеспечение «власти структуры». Такое свойство у сетей, конечно, есть, и оно хорошо видно в «командах», ведущих к успехам свои предприятия. Но для нас важнее сейчас такие свойства сетей, как

относительная автономность, интерактивность, неформальность, децентрализованность (Луков, 2012: 75–76). Эти свойства делают сетевой принцип организации очень близким к задачам гражданского общества.

Можно предположить, что среда, в которой специфические черты сетевого общества как преимущественной модели гражданского общества в относительно близкой перспективе найдут естественное принятие, будут освоены без драматизма, который составляет фон любой (в конечном счете) инновации, — эта среда будет не чем иным, как *молодежью*. Здесь, обратим на это внимание, имеется в виду вовсе не банальность, которая кроется в лозунге «Молодежь — наше будущее». Такой лозунг в самом общем виде отражает лишь факт смертности человека как биологического существа и способность воспроизводиться путем рождения новых поколений. Уже и в социально-философском смысле можно видеть дополнительные смыслы лозунга, когда принимается идея, сформулированная Георгом Зиммелем: пространство жизни ограничено смертью на витальном уровне, но оно расширяется формами культуры как общечеловеческого наследия до «более-жизни» (*Mebr-Leben*) и «более-чем-жизни» (*Mehr-als-Leben*), порождая трансвитальный уровень человеческого существования. Характеризуя эти ключевые термины философии жизни Зиммеля, Матиас Юнге отмечает: «Более-жизнь относится к внутренней динамике жизненного процесса, это процесс без завершения. Зиммель думает здесь в образах биологических организмов, жизнь которых реализуется в непрерывном делении клеток» (Junge, 2009: 63), а далее цитирует зиммелевскую характеристику более-жизни: «До тех пор пока жизнь вообще существует, пока она производит живое, уже есть постоянное воссоздание физиологического самохранения» (*ibid*). Второй же термин, *Mehr-als-Leben*, характеризует ту сторону жизни, которая содержит способность к трансценденции, к выходу за пределы жизни как таковой, контрастна по отношению к ней.

В Зиммеле, вероятно, можно искать предчувствие существенных преобразований жиз-

ненных форм — и именно в понимании «более-жизни». Во всяком случае, мы склонны высказать гипотезу о том, что наивная и слабо сдерживаемая активность новых поколений порождает такие формы в условиях, когда социализационный процесс подорван приближающейся сменой типа общества.

Если это так, то в молодежной среде есть смысл искать становящиеся черты гражданского общества. И эти черты уже имеют реальное выражение в таких феноменах, как флешмоб, получивший широкое распространение в России преимущественно в молодежной среде. На первом сайте флешмоба возник обмен мнениями по поводу того, в чем его смысл. На фоне простой растерянности многих из давших ответы — «... теперь всю ночь спать не буду буду думать в чем смысл Флешмоба»; «Вам для курсовой, али по работе трэба?» (*в орфографии и пунктуации авторов*) — есть и вполне четкие формулы: «Смысл флешмоба в том, чтобы на пространстве мегаполиса создать ситуацию, вероятность которой ничтожно мала, но в принципе возможна. Участники получают от создания такой ситуации массу всевозможных эмоций, невольные зрители — пищу для размышления» (В чем смысл флешмоба?, 2011: Электр. ресурс). Уже сейчас ясно, насколько эта по видимости игровая форма способна принимать политическое содержание в информационном обществе и даже на нынешнем этапе его становления.

Тем не менее нас интересует более широкий круг явлений молодежной среды, которые существенны в контексте рассматриваемой темы. Этот круг может быть рассмотрен в ключе биосоциологии. Одна из ее гипотез в соответствии с логикой развития информационного общества как преимущественно сетевого обращается к интеллектуальным, волевым, эмоциональным характеристикам молодежи, проживающей в урбанистической среде с большими возможностями безответственного выбора траекторий самореализации и автономностью от традиционных форм социального контроля. Она формулируется так: в молодежной среде будут нарастать тенденции к ослаблению Я, его виртуализации (утере непосредственной связи со многими сторонами реаль-

ной жизни), усилению инфантилизма и нарциссизма. «Дикость + инновационность» молодежи получают дополнительные импульсы для сращивания в единый ориентационный комплекс.

Принимая такую гипотезу, мы хотим подчеркнуть, что в молодежи еще может быть обнаружена та сторона человеческой природы, которая не подверглась обработке культурой. Дети в этом отношении не составляют такую группу, поскольку выступают преимущественно как объект социализации, свобода выбора для них очень ограничена. Молодежь уже подверглась социализационному воздействию в этом режиме, социализационные коды первого уровня усвоены, но они еще не стали броней от внешних влияний, еще не зацементировались в тезаурусах как ориентационных ментальных комплексах (Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2008), подвижны, вариативны. Тезаурусы валентны. В то же время молодежь уже вырвалась из-под жесткого контроля старших. Сочетание этих двух обстоятельств делает молодежь уникальным объектом для формирования концепции биосоциологии, если говорить о теории, и для осмысления перспектив развития гражданского общества в период, когда меняется тип общества.

Здесь-то и находит место отмеченное выше сочетание *дикости* и *инновационности*, которые становятся ресурсами молодежи в социальных трансформациях наших дней. «Дикость» реализуется в социальных практиках, связанных с культом тела и экспериментированием с телом; образованием банд как форм «коллективного прорыва»; иерархией по схеме вождизма: действием символической власти/подчинения; агрессивностью как способом энергетической компенсации недостающих для взаимодействия ресурсов.

«Инновационность» маркируется такими знаками, как ум, свобода от условностей, экстрим как жажда сильных ощущений и интерес к приключениям, креативность, сеть. Эти знаки выражают инновационность как символический капитал молодежи.

«Дикость» означает генетическую связь с биологическим родом, с природным и социокультурным прошлым. «Инновационность»

несет в себе энергетический выброс в будущее, содержит потенцию освобождения от рода.

Обращаясь к изучению разнообразных социальных практик, освоенных молодежью, мы можем заметить, как они начинают проникать в институционализированное общество в более «цивилизованных» формах, когда черты «дикости» закамуфлированы. Таковы практики, получившие название «моббинг» (от англ. *mob* — толпа). Эта форма психологического насилия, состоящая в травле нежелательного сотрудника в коллективе с тем, чтобы принудить его к увольнению, очень давно известна как социальная практика в школьной жизни. При этом в школе моббинг выступает в неприкрытой форме, позволяющей выявить основные тактики действий и способы исключения жертвы из социальных связей, принятых для «своих».

Энергия молодости в обществе, где ослаблена социетальная иерархия, может перетечь в сети, где существенны свои иерархии, закрепляющие авторитет неформальных лидеров, опирающихся, среди прочего, на анонимность в информационных сетях, усиливающую безответственность лидеров в принятии тех или иных решений, высказывании оценочных суждений, а в конечном счете — навязывании определенных ценностных ориентаций и поддержании готовности к действиям. Здесь есть прямая аналогия с социально-психологическими механизмами образования толпы и управления ею, выявленными Гюставом Лебоном еще в конце XIX в.

В свете идеи гражданского общества биосоциология молодежи может оказаться продуктивной концепцией. В ней уже обозначены те стороны, которые выводят на траекторию возникающих перед обществом проблем, порождаемых все большей близостью к временам постчеловека. Теперь же мы обратим внимание на то, что характерные для гражданского общества способы его поддержания в динамическом равновесии с государственными властными структурами через практическую реализацию социальных и культурных проектов следует скорректировать с учетом возрастающей значимости биологического фактора. Это не возврат в первобытное обще-

ство, неотрывное от популяционного ареала, границы которого predeterminedены пригодными условиями обитания. Это осмысление перспектив человека, когда не только среда его обитания претерпевает качественные изменения, но и сама природа человека не остается неизменной. Задачи развития биосоциологии молодежи как междисциплинарной научной проблемы не в последнюю очередь необходимо сосредоточить на той ее стороне, которая отражает динамичную трансформацию роли гражданского общества в новой конфигурации социокультурного целого ближайших и отдаленных десятилетий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

В чем смысл флешмоба? (2011) [Электр. ресурс] // Флэшмоб в России больше, чем флэшмоб. URL: <http://www.flashmob.ru/viewtopic.php?f=19&t=4684> (дата обращения: 12.01.2012).

Луков, Вал. А. (2011) Биосоциология // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 319–323.

Луков, Вал. А. (2012) Теории молодежи: Междисциплинарное исследование. М.: Канон+.

Луков, Вал. А., Луков, Вал. А. (2008) Тезаурус: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Нац. ин-т бизнеса.

Castells, M. (1996) *The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1.* Cambridge, MA ; Oxford, UK : Blackwell.

Castells, M. (1997) *The Power of Identity. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 2.* Cambridge, MA ; Oxford, UK : Blackwell.

Castells, M. (1998) *End of Millennium. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 3.* Cambridge, MA ; Oxford, UK : Blackwell.

Castells, M. (2000) Materials for an Exploratory Theory of the Network Society // *British Journal of Sociology. Vol. 51. № 1. P. 5–24.*

Е. О. Wilson Biophilia Center at Nokuse Plantation. [Электр. ресурс] URL: <http://www.eowilson-center.org> (дата обращения: 25.01.2012).

Junge, M. (2009) *Georg Simmel kompakt.* Bielefeld : Transcript-Verl.

Khroutski, K. S. (2011) From the Three-dimensional Reality in the Integral Sociology of Pitirim A. Sorokin — To the Construction of the Triune Universalizing (Bio)cosmological Approach // *Bio-cosmology — Neo-Aristotelism : Electronic Journal. Vol. 1. № 4. P. 369–394.*

Richter, D. (2005) *Das Scheitern der Biologisierung der Soziologie: Zum Stand der Diskussion um*

die Soziobiologie und anderer evolutionstheoretischer Ansätze // *Kolner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Köln. Jg. 57, H. 3. S. 523–542.*

Sholokhov, V. G. (2011) *Biosociology and Aristotle's Philosophy // The Second International Seminar on Biocosmology «Biocosmological Evolutionary Cyclic Triadicity — the Triunity and Three-dimensionality of Scientific Methodologies».* 2011. July 24–27. Conference Hall of the Novgorod State University after Yaroslav-the-Wise. Veliky Novgorod, Russia. Abstract Book. Novgorod State University after Yaroslav-the-Wise. P. 72–74.

Wilson, E. O. (1975) *Sociobiology: The New Synthesis.* Harvard University Press.

Wilson, E. O. (1978) *On Human Nature.* Harvard University Press.

Wilson, E. O. (1984) *Biophilia: the Human Bond with Other Species.* Harvard University Press.

THE BIOSOCIOLOGY OF YOUTH AND THE FUTURE OF CIVIL SOCIETY

Val. A. Lukov

(Moscow University for the Humanities)

The article considers the approaches to the studies of the prospects of civil society development under conditions when hierarchical system is being cut out by net communications. In such a net society the features of youth, which biosociology examines, will be revealed.

Keywords: biosociology, youth, civil society, the thesaurus approach.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

V chem smysl fleshmoba? (2011) [Elektr. resurs] // *Fleshmob v Rossii bol'she, chem fleshmob.* URL: <http://www.flashmob.ru/viewtopic.php?f=19&t=4684> (data obrashcheniia: 12.01.2012).

Lukov, Val. A. (2011) *Biosotsiologiia // Znanie. Ponimanie. Umenie. № 3. S. 319–323.*

Lukov, Val. A. (2012) *Teorii molodezhi: Mezhdistsiplinarnoe issledovanie. M. : Kanon+.*

Lukov, Val. A., Lukov, Val. A. (2008) *Tezaurusy: Sub»ektnaia organizatsiia gumanitarnogo znaniia. M. : Nats. in-t biznesa.*

Castells, M. (1996) *The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1.* Cambridge, MA ; Oxford, UK : Blackwell.

Castells, M. (1997) *The Power of Identity. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 2.* Cambridge, MA ; Oxford, UK : Blackwell.

Castells, M. (1998) *End of Millennium. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 3.* Cambridge, MA ; Oxford, UK : Blackwell.

Castells, M. (2000) Materials for an Exploratory Theory of the Network Society // *British Journal of Sociology*. Vol. 51. No. 1. P. 5–24.

E. O. Wilson Biophilia Center at Nokuse Plantation. [Elektr. resurs] URL: <http://www.eowilson-center.org> (data obrashcheniia: 25.01.2012).

Junge, M. (2009) *Georg Simmel kompakt*. Bielefeld: Transcript-Verl.

Khroutski, K. S. (2011) From the Three-dimensional Reality in the Integral Sociology of Pitirim A. Sorokin — To the Construction of the Triune Universalizing (Bio)cosmological Approach // *Biocosmology — Neo-Aristotelism: Electronic Journal*. Vol. 1. № 4. P. 369–394.

Richter, D. (2005) Das Scheitern der Biologisierung der Soziologie: Zum Stand der Diskussion um die Soziobiologie und anderer evolutionstheoretis-

cher Ansätze // *Kolner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. Köln. Jg. 57, H. 3. S. 523–542.

Sholokhov, V. G. (2011) Biosociology and Aristotle's Philosophy // *The Second International Seminar on Biocosmology «Biocosmological Evolutionary Cyclic Triadicity — the Triunity and Three-dimensionality of Scientific Methodologies»*. 2011. July 24–27. Conference Hall of the Novgorod State University after Yaroslav-the-Wise. Veliky Novgorod, Russia. Abstract Book. Novgorod State University after Yaroslav-the-Wise. P. 72–74.

Wilson, E. O. (1975) *Sociobiology: The New Synthesis*. Harvard University Press.

Wilson, E. O. (1978) *On Human Nature*. Harvard University Press.

Wilson, E. O. (1984) *Biophilia: the Human Bond with Other Species*. Harvard University Press.